Научная статья
УДК 316.6:32.019.5
https://doi.org/10.24158/tipor.2026.9.5

Благополучие как моральный анальгетик: почему довольные жизнью люди терпимы к коррупции, но продолжают участвовать в политической жизни?

Александр Александрович Максименко[1], Александра Романовна Загладина[2], Ольга Сергеевна Дейнека[3]
[1,2]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
[3]Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
[1]maximenko.al@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-0891-4950
[2]alzgldn@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-0929-5753
[3]osdeyneka@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8224-2190

Аннотация. Цель исследования состояла в поиске взаимосвязей между удовлетворенностью жизнью, восприятием коррупции и участием в политической жизни с учетом личностных черт и социально-демографических факторов. Дополнительно решалась задача первичной адаптации шкалы политического участия и опросника восприятия коррупции. Кроме них использовались шкала удовлетворенности жизнью, шкала психологического превосходства, профили личностных черт «Большая пятерка», «Темная триада» и «Светлая триада». В онлайн-исследовании приняли участие 264 респондента в возрасте от 19 до 75 лет. Выполнен корреляционный и множественный регрессионный анализ данных. Результаты показали, что значимыми предикторами восприятия коррупции выступают уровень дохода, макиавеллизм, гуманизм и кантианство. Политическое участие проявилось как многомерный феномен, обусловленный не только внешними условиями, но и внутренними мотивационными и этическими установками личности. Основной вывод исследования заключается в том, что высокий уровень субъективного благополучия может сопровождаться сниженной чувствительностью к моральным нарушениям, но не обязательно приводит к дистанцированию от политической жизни.

Ключевые слова: психология коррупции, восприятие коррупции, удовлетворенность жизнью, политическое участие, «Темная триада», психологическое превосходство

Финансирование: работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 25-28-01362 «Исследование социально-психологических предикторов формирования склонности к коррупции и воспринимаемого наказания: роль и значение медиаторов».

Для цитирования: Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С. Благополучие как моральный анальгетик: почему довольные жизнью люди терпимы к коррупции, но продолжают участвовать в политической жизни? // Теория и практика общественного развития. 2026. № 9. С. 51–64. https://doi.org/10.24158/tipor.2026.9.5.

Original article

Well-Being as a Moral Analgesic: Why People Satisfied with Their Lives Tolerate Corruption yet Continue to Participate in Political Life

Alexander A. Maksimenko[1], Alexandra R. Zagladina[2], Olga S. Deyneka[3]
[1,2]National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
[3]Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
[1]maximenko.al@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-0891-4950
[2]alzgldn@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-0929-5753
[3]osdeyneka@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8224-2190

Abstract. Aim of this study was to search for the relationships between life satisfaction, corruption perception, and participation in political life taking into account personality traits and sociodemographic factors. An additional objective was the preliminary adaptation of the Political Participation Scale and the Corruption Perception Questionnaire. Besides, the Life Satisfaction Scale, the Psychological Superiority Scale, personality trait profiles of the Big Five, the Dark Triad, and the Light Triad were used. An online survey involved 264 respondents aged 19 to 75 years. Correlation and multiple regression data analyses were performed. The results showed that income level, Machiavellianism, Humanism, and Kantianism were significant predictors of corruption perception. Political participation emerged as a multidimensional phenomenon driven not only by external conditions but also by internal motivational and ethical dispositions of the individual. The main conclusion of the research is that a high level of subjective well-being may be accompanied by reduced sensitivity to moral disturbances but does not necessarily lead to distancing from political life.

© Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С., 2026

Keywords: corruption psychology, corruption perception, life satisfaction, political participation, Dark Triad, psychological entitlement

Funding: This work was implemented by the support of Russian Science Foundation grant no. 25-28-01362, “The Study of Socio-Psychological Predictors of the Development of Corruption Propensity and Perceived Punishment: The Role and Importance of Mediators”.

For citation: Maksimenko, A.A., Zagladina, A.R. & Deyneka, O.S. (2026) Well-Being as a Moral Analgesic: Why People Satisfied with Their Lives Tolerate Corruption yet Continue to Participate in Political Life. *Theory and Practice of Social Development*. (9), 51–64. Available from: doi:10.24158/tipor.2026.9.5 (In Russian).

Введение. Одной из актуальных задач современной социологии и психологии коррупции является изучение того, каким образом субъективное благополучие, в частности удовлетворенность жизнью, могут соотноситься с восприятием моральных нарушений и участием в общественно-политической жизни. Несмотря на устойчивое представление о субъективном благополучии как желаемом и адаптивном состоянии (Diener, 1984; Ryff, 1989), с недавних пор обсуждается возможность его парадоксального влияния на гражданскую активность и этическую чувствительность (Corning, Myers, 2003; Extending the cross-cultural validity…, 2001). Так, вызывает интерес обратная сторона субъективного благополучия: оно способствует моральному дистанцированию и снижению критичности к нарушениям (Bandura, 1999), как следствие – формируется склонность к молчаливому согласию (Ashforth, Anand, 2003). Исследования показывают, что на фоне субъективного благополучия человек может избегать социальных конфликтов, которые затрагивают моральную справедливость (Sheldon, Kasser, 2001). Вопреки распространенному представлению удовлетворенность жизнью не всегда усиливает этическую чувствительность; иногда она сопровождается снижением просоциальной активности, особенно в случае, если этические нарушения не затрагивают личный комфорт (Haidt, 2001). Возникает принципиальный вопрос: удовлетворенность жизнью – это опора для нравственной позиции или условие морального равнодушия?

При этом, как отмечают исследователи, политическое участие в современном мире претерпевает фундаментальные изменения: его традиционные формы дополняются и трансформируются новыми, зачастую менее институционализированными практиками, что требует пересмотра устоявшихся теоретических моделей и методологического инструментария (Theocharis, Deth, 2018). Расширение репертуара участия, включая онлайн-активность, ставит перед учеными вопрос о том, как социальный и институциональный контекст определяет границы и формы гражданской вовлеченности (Ruess et al., 2023; The Oxford handbook…, 2022).

Восприятие справедливости имеет глубокие психологические основания (Lerner,1980), а коррупция как ее нарушение (You, 2005) вызывает отторжение только в случае сохранения этической чувствительности. Когда же справедливость замещается удовлетворенностью жизнью, срабатывает механизм селективной слепоты к нарушениям (Bazerman, Tenbrunsel, 2011). Такого рода деформация отражения справедливости усугубляется тем, что этически ответственная позиция требует значительных когнитивных, эмоциональных и социальных затрат (Postconventional moral thinking…, 1999). Если внутренний покой становится главной ценностью, а среда воспринимается как неизменная, осуждение несправедливости начинает угрожать стабильности. Такая установка типична для обществ с высокой неопределенностью и институциональным цинизмом (Kornhauser, 1959), где стратегия индивидуального выживания доминирует над коллективными действиями.

В данном контексте обращение к удовлетворенности жизнью как к медиатору восприятия коррупции и политической активности (Berkovich et al., 2019) приобретает особый смысл. В связи с этим наше исследование направлено на проверку гипотезы о том, что высокий уровень благополучия связан со сниженной чувствительностью к коррупционным проявлениям и пониженной политической вовлеченностью, а роль личностных черт (профиля «Большой пятерки», «Темной триады» и «Светлой триады», а также морального превосходства) дополняет картину.

Методы и выборка. В исследовании, проведенном в апреле 2025 г. с помощью сервиса «Яндекс.Задания», приняли участие 264 респондента, из них 162 женщины (61,4 %) и 102 мужчины (38,6 %). Возраст участников варьировался от 19 до 75 лет при среднем значении 39,2 года (SD = 11,52). По уровню урбанизации места проживания получено следующее распределение: чуть больше трети респондентов живут в областном центре (34,1 %), в Москве или других мегаполисах – 14,8 и 22,3 % соответственно, а 28,8 % проживают в районных центрах. Большинство опрошенных считают себя не очень религиозными (42,8 %), 29,6 % довольно религиозны, 24,2 % не религиозны совсем, только 3,4 % поставили себе максимальную оценку по шкале религиозности. Больше половины участников обладают средним доходом (57,2 %), 31,1 % оценили свой доход как низкий, а 11,7 % – как очень низкий или высокий. 48,9 % выборки имеют базовое высшее (бакалавриат, специалитет) или магистерское образование, 35,2 % окончили только среднее образование, с неполным высшим оказалось 14,0 % респондентов.

В онлайн-исследовании был применен комплекс опросных методик. Для оценки общего уровня жизненной удовлетворенности использовалась шкала удовлетворенности жизнью (SWLS) Э. Динера (Diener et al., 1985) в адаптации Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева (Осин, Леонтьев, 2020).

Для оценки уровня политической активности использовался *опросник степени участия в политической жизни*, разработанный китайскими исследователями (Zheng et al., 2017). Инструмент создан на основе обобщения подходов к измерению политического участия и включает вопросы, адаптированные из Всемирного исследования ценностей (Inglehart, 2000), а также из работ, посвященных гражданской активности (Ekman, Amna, 2012; Teorell et al., 2007). Опросник состоит из 10 утверждений (приложение 1), отражающих готовность респондента участвовать в различных политических действиях – от голосования и выдвижения предложений по изменению государственной политики до обращения в СМИ и участия в публичных слушаниях. В настоящем исследовании выполнена первичная адаптация данной методики на российской выборке, включающая психометрическую проверку инструмента.

Для изучения восприятия коррупции применялась 21-пунктная шкала, также использованная в исследовании В.-В. Чжэн с соавторами (Zheng et al., 2017) и адаптированная из методики К. Тана (The dampening effect…, 2016) на основе утверждений рейтинга Transparency International 2013 г. Опросник (прилиложение 2) включает как прямые, так и обратные формулировки, оценивающие субъективное восприятие распространенности коррупции в стране и эффективности антикоррупционных механизмов. Примеры пунктов: «*В моей стране коррупция очень распространена*»; «*Каждый государственный служащий в моей стране коррумпирован*». В рамках настоящей работы выполнена адаптация данной методики на русский язык и проверка ее психометрических свойств на российской выборке.

Для оценки личностных черт использовалась краткая шкала «Большая пятерка» (Gosling et al., 2003) в адаптации Т.В. Корниловой с соавторами (Корнилова и др., 2017). Шкала позволяет оценить экстраверсию, доброжелательность, добросовестность, эмоциональную стабильность и открытость новому опыту. Склонность к чувству собственной исключительности и превосходства над окружающими оценивалась посредством 9-пунктной шкалы психологического превосходства, разработанной В.К. Кэмпбеллом с соавторами (Psychological entitlement…, 2004) в нашей адаптации (Максименко и др., 2025). В целях изучения социально негативных черт применялся опросник «Темная триада» Д.Л. Паулхуса и К.М. Уильямса (Paulhus, Williams, 2002) в адаптации М.С. Егоровой с соавторами (Егорова и др., 2015), направленный на выявление выраженности нарциссизма, макиавеллизма и психопатии. Для изучения позитивных личностных установок использовалась шкала «Светлая триада» (Kaufman et al., 2019) в адаптации Н.Р. Ильичева и А.А. Золотаревой (Ильичев, Золотарева, 2023), оценивающая веру в человечество, гуманизм и кантианство.

Также были собраны социодемографические данные, включая сведения о поле, возрасте, степени урбанизации места проживания, уровне образования, семейном положении, религиозности, а также субъективную оценку доходов.

Методы обработки данных. Статистическая обработка данных выполнялась в среде Jamovi 2.3.21 с применением методов описательной статистики, эксплораторного факторного анализа, корреляционного анализа Спирмена и регрессионного анализа.

Оценка психометрических характеристик русскоязычной версии опросника «Степень участия в политической жизни». В процессе первичной адаптации опросника выполнен прямой и обратный перевод его текста. Для обеспечения достоверных результатов (Brislin, 1986) установлена функциональная эквивалентность русскоязычной и англоязычной версий опросника степени участия в политической жизни. Для оценки политической вовлеченности респондентов проанализированы ответы по каждому пункту, что позволило определить, какие формы активности оказываются наиболее распространенными, а какие, напротив, вызывают наименьший отклик (таблица 1). Средние значения по пунктам варьируются от 2,21 до 3,09, что указывает на умеренно низкий уровень готовности к участию в политической жизни. Пункт 2, касающийся пассивных форм участия, получил наибольшую поддержку респондентов. Реверсивный пункт 10 (M = 3,40) показывает умеренное согласие с политическим избеганием, что корреспондирует с общей картиной низкой активности.

Таблица 1. *Описательные статистики для пунктов опросника «Степень участия в политической жизни»*[1]

Table 1. *Descriptive Statistics for the Points in the "Degree of Participation in Political Life" Questionnaire*

Пункт опросника	Среднее	Стандартное отклонение	Эксцесс	Асимметрия
1	2	3	4	5
1	2,21	1,01	–0,20	0,58
2	3,09	1,29	–1,11	–0,22
3	2,50	1,10	–0,64	0,28

[1] Все таблицы в статье составлены авторами.

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5
4	2,50	1,10	–0,76	0,24
5	2,61	1,14	–0,70	0,21
6	2,61	1,17	–0,81	0,23
7	2,56	1,21	–1,06	0,19
8	2,55	1,21	–0,73	0,36
9	2,96	1,22	–0,97	–0,12
10	3,40	1,18	–0,85	–0,30

Согласно результатам эксплораторного факторного анализа, опросник обладает двухфакторной структурой. Значение меры адекватности выборки Кайзера – Мейера – Олкина (KMO = 0,9) указывает на высокую пригодность данных для факторизации. Тест сферичности Бартлетта также подтвердил значимость матрицы корреляций: $\chi^2(8) = 23{,}295$, $p = 0{,}003$. Конфирматорный факторный анализ продемонстрировал приемлемую степень соответствия модели данным (GFI = 0,94; AGFI = 0,90; CFI = 0,97; TLI = 0,95; SRMR = 0,045; RMSEA = 0,083).

Таблица 2*. Факторные нагрузки согласия с пунктами опросника «Степень участия в политической жизни»*

Table 2*. Factor Loadings of Agreement with the Items of the Questionnaire "Degree of Participation in Political Life"*

Пункт опросника	Фактор 1	Фактор 2
1	0,803	
2	0,621	
3	0,908	
4	0,869	
5		0,789
6		0,664
7		0,754
8		0,874
9		0,695

Факторный анализ позволил выделить два фактора и соответствующие типы политического участия (таблица 2). Первый фактор – активное инициативное участие – объединил признаки фактора, отражающие ценностно ориентированную гражданскую позицию. Фактор сформирован намерением участвовать в разработке коллективных политических решений (0,908) и направлять предложения в госорганы (0,869), готовностью к партийной деятельности (0,803) и голосованием за представителей (0,621). Данный фактор характеризуется не столько институциональной включенностью, сколько внутренней мотивацией.

Второй фактор – институциональное и формализованное участие – включает действия, инициируемые недовольством и осуществляемые в социально одобряемых формах, а именно: участия в слушаниях (0,874), подписания петиций (0,754), обращений в СМИ (0,789) и интернет-высказываний (0,695). Эти практики остаются в институциональных рамках, но направлены на выражение претензий и воздействие на власть.

Внутренняя согласованность опросника оказалась высокой: коэффициент надежности α Кронбаха составил 0,907, а коэффициент ω МакДональда – 0,93, что значительно превышает принятый порог в 0,7 и свидетельствует о высокой точности измерения.

Оценка психометрических характеристик русскоязычной версии опросника «Восприятие коррупции». Эксплораторный факторный анализ позволил выделить два содержательно интерпретируемых фактора восприятия коррупции. Первый фактор, условно обозначенный как восприятие распространенности коррупции, объединил 15 пунктов, отражающих субъективную оценку респондентом масштабов коррупции в стране и ее проникновения в различные сферы жизни (таблица 3). Наибольшие факторные нагрузки зафиксированы по пунктам 3 («В моей стране коррупция очень распространена», 0,804), 19 («В настоящее время коррупция широко распространена и затрагивает почти все отрасли промышленности», 0,800), 1 («По моим наблюдениям, взяточничество и коррупция оставались широко распространенными в последние годы», 0,787) и 21 («Коррупция проникла в университеты и приобрела более серьезный характер», 0,781). Данный фактор отражает когнитивный компонент восприятия коррупции – убежденность в ее повсеместности, исторической укорененности и охвате ключевых социальных институтов. Высокие нагрузки также демонстрируют пункты, касающиеся безнаказанности чиновников (пункт 10, 0,704) и использования ими служебного положения (пункт 9, 0,688), что указывает на связь восприятия распространенности с оценкой слабости правоприменения.

***Таблица 3**. Факторные нагрузки согласия с пунктами опросника «Восприятие коррупции»*

***Table 3**. Factor Loadings of Agreement with Scale "Corruption Perception" Items*

Пункт опросника	Фактор 1	Фактор 2
1	0,787	
2	0,658	
3	0,804	
4	0,763	
5	0,631	
6		0,602
7	0,656	
8		0,763
9	0,688	
10	0,704	
11		0,866
12		0,838
13	0,572	
14		0,808
15	0,692	
16		0,808
17	0,500	
18	0,659	
19	0,800	
20	0,747	
21	0,781	

Второй фактор, интерпретированный как восприятие слабости институционального контроля, включил 6 обратных пунктов, оценивающих эффективность антикоррупционных механизмов и государственного управления. Данный фактор с высокой нагрузкой объединяет пункты 11 («Все механизмы обеспечения честности и неподкупности достаточно эффективны и активно поддерживаются правительством», 0,866), 12 («Большинство механизмов обеспечения неподкупности в нашей стране эффективно функционируют», 0,838), 14 («Правительство нашей страны реализовало инициативы по борьбе с коррупцией на уровне исполнительной власти», 0,808) и 16 («Правительство уделяет особое внимание антикоррупционным расследованиям…», 0,808). Высокие баллы по данному фактору (после реверсивного кодирования) свидетельствуют о том, что респондент оценивает существующие механизмы противодействия коррупции как неэффективные, а контроль со стороны государства – как недостаточный. Таким образом, второй фактор отражает не столько представления о масштабах коррупции, сколько оценку системных институциональных характеристик – качества государственного управления и действенности антикоррупционных мер.

Внутренняя согласованность шкалы «Восприятие коррупции» оказалась высокой: коэффициент α Кронбаха составил 0,818, что свидетельствует о приемлемой надежности инструмента и позволяет использовать его для дальнейшего анализа.

Результаты диагностики восприятия коррупции, политического участия и удовлетворенности жизнью. Описательные статистики шкалы «Участие в политической жизни» демонстрируют умеренно низкий уровень участия. Наибольшее согласие вызвал пункт 2 «Я намерен принимать участие в голосовании за представителей партийных организаций при предоставлении возможности выразить свою волю» (M = 3,09), отражающий базовую, не требующую усилий и рисков форму участия – голосование. Наименее выраженным оказалось согласие с утверждением 1 «Я намерен активно участвовать в деятельности партии и политических объединений» (M = 2,21), связанным с прямым участием в деятельности политических организаций. Это соответствует наблюдаемым в современной России тенденциям, когда граждане демонстрируют готовность участвовать в институционализированных формах политической активности, но избегают выраженного участия в партийной или протестной деятельности (McFarland, Mathews, 2005).

Переходя к анализу восприятия коррупции, отметим, что описательные статистики по данной методике также обнаруживают содержательно согласованные закономерности. Средние значения по пунктам опросника варьируются от 2,47 до 4,11 при стандартных отклонениях в диапазоне 0,92–1,22, что свидетельствует о достаточной вариативности ответов респондентов. Самые высокие средние баллы зафиксированы по пунктам, отражающим восприятие укорененности и тотальной распространенности коррупции: респонденты наиболее единодушно согласились с тем, что коррупция существовала на протяжении всей истории (M = 4,11), проблема коррупции в современном российском обществе стоит очень остро (M = 3,91), а также с тем, что взяточничество оставалось широко распространенным в последние годы (M = 3,86), коррупция затрагивает почти все отрасли промышленности (M = 3,78) и проникла в университеты (M = 3,78). Высокие оценки также получили утверждения о злоупотреблении полномочиями без опасения юридической ответственности (M = 3,78) и об использовании чиновниками процедурных лазеек (M = 3,83), что указывает на устойчивое представление о безнаказанности коррупционеров.

Наряду с этим наиболее низкие оценки, напротив, получены по обратным пунктам, диагностирующим эффективность институциональных механизмов противодействия коррупции. Респонденты в наименьшей степени склонны соглашаться с тем, что информация о государственных делах открыта и прозрачна для гражданского общества (M = 2,47), механизмы обеспечения честности и неподкупности достаточно эффективны (M = 2,77) и большинство таких механизмов функционируют результативно (M = 2,70). Более того, участники опроса низко оценивают строгость преследования коррумпированных должностных лиц по закону (M = 2,86) и признают, что правительственные инициативы по борьбе с коррупцией (M = 3,14) и внимание к антикоррупционным расследованиям (M = 3,00) воспринимаются как недостаточно действенные. Эти данные демонстрируют, что в сознании респондентов доминирует образ коррупции как системного и исторически укорененного явления, тогда как оценка антикоррупционных усилий государства воспринимается с выраженным скепсисом.

Результаты корреляционного и регрессионного анализов. Множественный регрессионный анализ показал, что среди социально-демографических факторов значимый вклад в политическую активность вносит уровень религиозности ($F(3,260) = 6,198$, $p = 0,0004$): группа очень религиозных респондентов проявляет значительно более высокое политическое участие по сравнению с другими категориями. Также вклад в политическую активность вносит уровень дохода ($F(3,260) = 4,265$, $p = 0,006$): респонденты со средним достатком вовлечены в политику активнее, чем лица с низким доходом.

Результаты корреляционного анализа показали, что политическая активность положительно коррелирует с удовлетворенностью жизнью ($r = 0,19$, $p < 0,01$). Это указывает на то, что активное гражданское поведение связано с более высоким уровнем субъективного благополучия.

Более подробный анализ с учетом типологии политического участия показал, что активное инициативное участие в политической жизни положительно связано с удовлетворенностью жизнью ($r = 0,22$, $p < 0,01$), как и пассивное (формализованное) участие в политической жизни ($r = 0,14$, $p < 0,05$), но первое отрицательно коррелировало с восприятием коррупции ($r = –0,17$, $p < 0,01$). При этом активное политическое участие также связано с психологическим превосходством ($r = 0,13$, $p < 0,05$), нарциссизмом ($r = 0,17$, $p < 0,01$), верой в человечество ($r = 0,27$, $p < 0,01$) и гуманизмом ($r = 0,24$, $p < 0,01$). Более пассивное (формализованное) участие в политической жизни не корреспондирует ни с восприятием коррупции, ни с психологическим превосходством, ни с чертами «Светлой триады», но связано с нарциссизмом ($r = 0,17$, $p < 0,01$) и психопатией ($r = 0,20$, $p < 0,01$). Видимо, эти черты в большей степени способствуют выражению претензий и критики власти.

Восприятие коррупции, согласно результатам корреляционного анализа, значимо связано с макиавеллизмом ($r = 0,30$, $p < 0,01$), который, в свою очередь, положительно коррелирует с психологическим превосходством ($r = 0,48$, $p < 0,01$), а также с кантианством ($r = 0,21$, $p < 0,01$). Это свидетельствует о неоднозначности ценностных и когнитивных связей. Таким образом, полученные результаты подтверждают, что как «светлые», так и «темные» личностные факторы вносят вклад в формирование гражданской позиции.

Для определения предикторов восприятия коррупции был проведен множественный линейный регрессионный анализ. Модель оказалась статистически значимой ($F(7,256) = 11,37$, $p < 0,001$) и объясняет 23,7 % дисперсии зависимой переменной ($R^2 = 0,2372$).

Уровень дохода оказался значимым предиктором восприятия коррупции. По сравнению с референтной категорией (наименьший доход) более высокие уровни дохода были связаны со сниженным восприятием коррупции: низкий доход: $B = –8,15$, $p = 0,006$; средний доход: $B = –6,66$, $p = 0,023$; высокий доход: $B = –20,58$, $p < 0,001$. Удовлетворенность жизнью оказалась отрицательно связана с восприятием коррупции: $B = –0,62$, $p < 0,001$, более удовлетворенные жизнью участники с меньшей вероятностью склонны видеть общество как коррумпированное.

Значимым предиктором оказался также макиавеллизм: $B = 0,64$, $p < 0,001$. Участники с более выраженными манипулятивными установками чаще воспринимают окружающее как коррумпированное. Положительно предсказывало восприятие коррупции также кантианство ($B = 2,96$, $p < 0,05$). Следовательно, приверженность строгим моральным принципам делает коррупционное поведение более заметным и неприемлемым для таких людей. Гуманизм, напротив, был отрицательно связан с восприятием коррупции ($B = –2,73$, $p < 0,01$). Это может указывать на то, что ориентированные на ценность человека участники склонны воспринимать социальную действительность менее цинично и реже интерпретируют происходящее как проявление коррупции.

Для проверки конструктной валидности шкалы «Восприятие коррупции» проведен корреляционный анализ между двумя выделенными факторами (восприятие распространенности коррупции (Ф1) и восприятие слабости институционального контроля (Ф2)) и набором социально-демографических, личностных и морально-психологических переменных. Направление интерпретации факторов различно: высокий балл по первому фактору свидетельствует о восприятии коррупции

как широко распространенного явления, тогда как высокий балл по второму фактору указывает на восприятие неэффективности антикоррупционных механизмов и слабости институционального контроля (после реверсивного кодирования обратных пунктов). Оба фактора обнаруживают сходные отрицательные корреляции со степенью религиозности: для Ф1 r = −0,181, p < 0,01; для Ф2 r = −0,195, p < 0,01. Это означает, что менее религиозные респонденты в большей степени склонны воспринимать коррупцию как распространенное явление и оценивать институциональный контроль как неэффективный. Субъективная оценка дохода также отрицательно связана с обоими факторами: для Ф1 r = −0,125, p < 0,05; Ф2 r = −0,216, p < 0,001. Респонденты с более высоким субъективным уровнем дохода в меньшей степени воспринимают коррупцию как повсеместную и в большей степени доверяют эффективности институциональных механизмов. Возраст и уровень образования не обнаруживают значимых корреляций ни с одним из факторов.

Первый фактор демонстрирует положительные корреляции с психологическим превосходством (r = 0,161, p < 0,01), макиавеллизмом (r = 0,360, p < 0,001) и кантианством (r = 0,187, p < 0,01). Высокий уровень восприятия распространенности коррупции характерен для респондентов с выраженными макиавеллианскими чертами, ощущением собственной исключительности и, что менее ожидаемо, с ориентацией на кантианские моральные принципы. Второй фактор, напротив, отрицательно связан с верой в человечество (r = −0,227, p < 0,001) и гуманизмом (r = −0,296, p < 0,001): респонденты с высокими баллами по этим шкалам (т. е. более доверчивые и ориентированные на благо других) в меньшей степени воспринимают институциональные механизмы как неэффективные. Психопатические черты и нейротизм не коррелируют ни с одним из факторов. Интересно, что кантианство корреспондирует только с первым фактором, но не со вторым. Это указывает на различную природу данных двух компонентов восприятия коррупции.

Медиационные эффекты: связь удовлетворенности жизнью и активного участия в политической жизни при медиативной роли восприятия коррупции. Прямое влияние удовлетворенности жизнью на политическую активность оставалось значимым после включения в модель восприятия коррупции в качестве медиатора, что указывает на частичную медиацию. Удовлетворенность жизнью статистически значимо связана с более низким уровнем восприятия коррупции (B = –0,73, p < 0,001; стандартизированный коэффициент β = –0,25). Кроме того, удовлетворенность жизнью положительно предсказывает активное политическое участие (B = 0,15, p < 0,01; β = 0,19). В полной модели восприятие коррупции, в свою очередь, отрицательно коррелирует с политической активностью (B = –0,03, p < 0,05; β = –0,13). Таким образом, удовлетворенность жизнью способствует более активному политическому участию как напрямую, так и частично опосредованно – через снижение восприятия коррупции.

Обсуждение. Факторный анализ выявил двухфакторную структуру опросника степени участия в политической жизни, что важно как с содержательной, так и с методологической точки зрения. Первый фактор, условно обозначенный как активное инициативное участие, включает действия, связанные с выражением политической воли и прямым влиянием на принятие решений. Это формы, требующие не только внутренней мотивации, но и социальной уверенности. Второй фактор – институционализированное и формализованное участие – включает менее инициативные и более социально одобряемые формы, возникающие, как правило, в ответ на внешние обстоятельства. Такая дифференциация позволяет утверждать, что политическая активность не является унифицированной категорией, а формируется из разнородных компонентов, различающихся степенью рисков и психологической включенности. Данная структура перекликается с работами по политической мотивации и типологии участия, согласно которым первая форма связана с личностными особенностями – выраженной автономией, внутренней локализацией контроля и социальной смелостью (Klandermans, 1997), в то время как вторая – с внешней нормативностью и ролевыми ожиданиями (Verba et al., 1995).

Включение онлайн-практик в структуру политического участия отражает общую тенденцию к расширению понятия участия в цифровую эпоху. Однако, как показывает систематический обзор К. Руэсс и коллег, существует значительный разрыв между теоретическими определениями и эмпирическими измерениями онлайн-участия: многие инструменты фиксируют пассивные формы активности (например, чтение политических новостей), которые не всегда концептуализируются как собственно участие (Ruess et al., 2023). Это ставит вопрос о необходимости более строгого разграничения «предшественников» и собственно актов участия, что особенно важно для российской выборки, где цифровые формы гражданской активности находятся в стадии становления.

Психометрическая проверка шкалы подтверждает ее надежность, что позволяет использовать ее как для диагностики текущего состояния политической активности, так и для анализа динамики изменений.

Социально-демографический анализ показал, что уровень религиозности и дохода связан с политической вовлеченностью. Наиболее активными оказались респонденты, идентифицирующие себя как очень религиозные и обладающие средним доходом. Это может указывать на

наличие внутренней смысловой опоры (в случае религиозности) и минимального уровня материальной стабильности, необходимой для проявления гражданской инициативы.

Ряд черт личности, измеренных с помощью шкал «Темной триады» и «Светлой триады», оказались значимо связаны с политическим участием. Позитивная корреляция политического участия с нарциссизмом, психопатией и психологическим превосходством позволяет предположить, что участие в политике может восприниматься некоторыми субъектами как инструмент самоутверждения и социального доминирования, особенно в контексте слабых институтов и дефицита коллективной ответственности. С одной стороны, личности с чертами «Темной триады» могут рассматривать политическую активность как арену для получения преференций, власти и признания, что подтверждается как зарубежными (Bell et al., 2021; Jonason et al., 2012), так и российскими (Максименко и др., 2020) исследованиями. С другой стороны, ориентация на универсальные моральные принципы (кантианство, вера в человечество), как показывает теория моральных оснований (Haidt, Joseph, 2008; Moral foundations theory…, 2013), связана с более альтруистическим, идеалистическим типом политического участия, базирующимся на стремлении к социальной справедливости и равенству.

Удовлетворенность жизнью, выступающая в регрессионном анализе как медиатор восприятия коррупции, открывает поле для более глубокой интерпретации. Исследования А. Бандуры (Bandura, 1999) и Н. Мазар с соавторами (Mazar et al., 2008) указывают на существование моральной селективности, при которой моральная тревожность смещается в зависимости от личного комфорта и когнитивных стратегий поддержания позитивного образа себя. Высокая удовлетворенность жизнью может снижать чувствительность к социальной несправедливости, особенно если она не затрагивает непосредственно интересы индивида.

Гуманизм, напротив, предсказывает пониженное восприятие коррупции, что может свидетельствовать о склонности к обобщенной позитивной установке на мир и нежелании фокусироваться на негативных аспектах социальной действительности – своего рода эмоциональном фильтре, направленном на поддержание внутренней гармонии.

Таким образом, политическое участие хотя и связано с удовлетворенностью жизнью и моральными установками, не является единственным поведенческим следствием мировоззренческих позиций. Не менее важным представляется анализ того, как личностные черты и ценностные ориентации связаны с восприятием самой коррупции. Полученные корреляционные паттерны свидетельствуют о дифференцированной природе двух компонентов восприятия коррупции. Первый фактор, отражающий восприятие распространенности коррупции, оказался связан с «темными» личностными чертами – макиавеллизмом и психологическим превосходством. Это согласуется с теоретическими представлениями о том, что люди, склонные к цинизму и манипулятивности, чаще воспринимают коррупцию как повсеместное явление, возможно проецируя собственные установки на окружающую социальную среду. Положительная связь с кантианством, на первый взгляд, противоречит этому паттерну, однако может быть объяснена тем, что респонденты с ригидными моральными убеждениями более чувствительны к нарушениям этических норм и потому острее воспринимают масштабы коррупции.

Второй фактор, измеряющий восприятие слабости институционального контроля, демонстрирует принципиально иной профиль связей. Его отрицательные корреляции с верой в человечество и гуманизмом указывают на то, что восприятие неэффективности антикоррупционных механизмов обратно пропорционально общей вере в добрую природу человека. Это может отражать механизм атрибуции: люди, склонные доверять другим и верить в их добрые намерения, менее расположены оценивать государственные институты как неспособные справляться с коррупцией. Отсутствие связи второго фактора с макиавеллизмом и психологическим превосходством подтверждает его специфичность – это измерение относится скорее к оценке системных институциональных характеристик, нежели к индивидуальным диспозициям.

Социально-демографические корреляты также дифференцированы: субъективный доход и религиозность отрицательно связаны с обоими факторами, причем для второго фактора эти связи сильнее. Более высокий доход и религиозность, по-видимому, выступают ресурсами, смягчающими критическое восприятие как распространенности коррупции, так и неэффективности институционального контроля.

Таким образом, восприятие коррупции не является монолитным конструктом. Его первый компонент – восприятие распространенности – связан преимущественно с индивидуальными личностными чертами, циничными установками и моральной чувствительностью. Второй компонент – восприятие слабости институционального контроля – отражает оценку системных характеристик и связан с фундаментальной верой в человеческую доброту и доверием к социальным институтам. Эти два фактора хотя и коррелируют между собой, имеют различную психологическую природу и требуют раздельного рассмотрения в исследованиях восприятия коррупции.

Таким образом, политическое участие в рассматриваемой выборке выступает не как однородное поведенческое явление, а как совокупность стратегий, различающихся по глубине включенности, степени субъектности, рискам и моральным основаниям. Это соответствует современному междисциплинарному пониманию политического участия как формы социальной идентичности, самореализации и моральной ориентации (Haidt, Joseph, 2008).

Заключение. Исследование подтвердило надежность и конструктную валидность адаптированных шкал «Степень участия в политической жизни» и «Восприятие коррупции». Эксплораторный факторный анализ выявил двухфакторную структуру первой методики, дифференцирующую инициативные формы политического участия и институционализированные, формально одобряемые формы активности, а также двухфакторную структуру второй методики, выделяющую факторы восприятия распространенности коррупции и восприятия слабости институционального контроля. Высокие значения коэффициентов внутренней согласованности (для шкалы политической активности $\alpha = 0{,}907$, $\omega = 0{,}93$; для шкалы восприятия коррупции $\alpha = 0{,}818$, $\omega = 0{,}871$) свидетельствуют о надежности обеих методик и возможности их дальнейшего использования в прикладных и исследовательских целях.

Выявлено, что удовлетворенность жизнью прогнозирует снижение чувствительности к коррупции, но при этом положительно коррелирует с гуманизмом, верой в человечество и кантианством. Политическая активность в целом выражена слабо, но оказалась связана как с просоциальными ценностями, так и с «Темной триадой», что свидетельствует о разнородных мотивационных основаниях участия.

Анализ восприятия коррупции показал, что данный конструкт не является однородным: его два компонента имеют различную психологическую природу и по-разному связаны с личностными и социально-демографическими факторами. Первый фактор – восприятие распространенности коррупции – оказался положительно связан с макиавеллизмом, психологическим превосходством и кантианством, что указывает на его связь с циничными установками и одновременно с ригидной моральной чувствительностью. Второй фактор – восприятие слабости институционального контроля – отрицательно коррелирует с верой в человечество и гуманизмом, что отражает доверие к социальным институтам и общую оптимистическую установку. Социально-демографические переменные (доход, религиозность) также дифференцированно корреспондируют с двумя факторами, причем для второго фактора эти связи оказались более сильными. Регрессионный анализ подтвердил значимый вклад макиавеллизма, кантианства, гуманизма и уровня дохода в предсказание восприятия коррупции, а медиационный анализ выявил частичную опосредующую роль восприятия коррупции в связи между удовлетворенностью жизнью и политической активностью. Таким образом, восприятие коррупции представляет собой многомерное образование, требующее дифференцированного подхода при его изучении и интерпретации.

Социально-демографические характеристики показали значимую корреляцию с тремя ключевыми конструктами исследования. Так, религиозность и уровень дохода оказались положительно связаны с участием в политической жизни: наиболее активными были респонденты со средней доходностью и высокой религиозностью. Удовлетворенность жизнью положительно ассоциировалась с возрастом и уровнем образования, тогда как восприятие коррупции было выше среди респондентов с низким доходом.

В целом полученные данные подчеркивают сложность моральных и поведенческих установок современного человека: благополучие, справедливость и этика переплетаются в неоднозначных конфигурациях. Вместе с тем, как показывают современные социологические исследования, политическое участие не может быть адекватно понято в отрыве от институционального и социального контекста (The Oxford handbook…, 2022; Theocharis, Deth, 2018). Оно не определяется исключительно структурными или ценностными факторами, а опосредовано комплексом личностных диспозиций, мотивационных тенденций и социальных представлений, которые, в свою очередь, формируются под влиянием доступных институциональных каналов и репертуаров действия.

Список источников:

Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052.

Ильичев Н.Р., Золотарева А.А. Пилотажная оценка и предварительные психометрические свойства русскоязычной версии шкалы Светлой триады // Национальный психологический журнал. 2023. Т. 18, № 2. С. 3–13. https://doi.org/10.11621/npj.2023.0201.

Корнилова Т.В., Зиренко М.С., Гусейнова Р.Д. Кросс-культурная адаптация краткого опросника Большой пятерки (TIPI): сравнение российской и азербайджанских студенческих выборок // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 55. С. 7. https://doi.org/10.54359/ps.v10i55.349.

Максименко А.А. Дейнека О.С., Крылова Д.В. Этико-психологическое портретирование российского коррупционера // Национальный психологический журнал. 2020. № 4 (40). С. 31–47. https://doi.org/10.11621/npj.2020.0403.

Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С. Способствует ли вера в справедливый мир снижению коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого наказания и роль психологического превосходства // Психология и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 224–239. https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150315.

Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06.

Ashforth B.E., Anand V. The normalization of corruption in organizations // Research in organizational behavior: An annual series of analytical essays and critical reviews. Vol. 25 / ed. by R.M. Kramer, B.M. Staw. L., 2003. P. 1–52. https://doi.org/10.1016/S0191-3085(03)25001-2.

Bandura A. Moral disengagement in the perpetration of inhumanities // Personality and Social Psychology Review. 1999. Vol. 3, no. 3. P. 193–209. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0303_3.

Bazerman M.H., Tenbrunsel A.E. Blind spots: Why we fail to do what's right and what to do about it. Princeton, 2011. 216 p.

Bell E., Kowalski C.M., Vernon P.A., Schermer J.A. Political hearts of darkness: The Dark Triad as predictors of political orientations and interest in politics // Behavioral Sciences (Basel). 2021. Vol. 8, no. 11(12). P. 169. https://doi.org/10.3390/bs11120169.

Berkovich M.I., Dukhanina L.N., Maksimenko A.A., Nadutkina I.E. Perception of corruption as a socio-economic phenomenon by the population of a region: The structural aspect // Economic and Social changes: Facts, Trends, Forecast. 2019. Vol. 12, no 2. P. 161–178. https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.10.

Brislin R. Field methods in cross-cultural psychology // The wording and translation of research instruments / ed. by W.J. Lonner, J.W. Berry. Newbury Park, 1986. P. 137–164.

Corning A.F., Myers D.J. Individual orientation toward engagement in social action // Political Psychology. 2003. Vol. 23, no. 4. P. 703–729. https://doi.org/10.1111/0162-895X.00304.

Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95, no. 3. P. 542–575. https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542.

Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The satisfaction with life scale // Journal of Personality Assessment. 1985. Vol. 49, no. 1. P. 71–75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13.

Ekman J., Amna E. Political participation and civic engagement: Towards a new typology // Human Affairs. 2012. Vol. 22, no. 3. P. 283–300. https://doi.org/10.2478/s13374-012-0024-1.

Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement / S.H. Schwartz, G. Melech, A. Lehmann, S. Burgess, M. Harris, V. Owens // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2001. Vol. 32, no. 5. P. 519–542. https://doi.org/10.1177/0022022101032005001.

Gosling S.D., Rentfrow P.J., Swann W.B. A very brief measure of the big-five personality domains // Journal of Research in Personality. 2003. Vol. 37, no. 6. P. 504–528. https://doi.org/10.1016/S0092-6566(03)00046-1.

Haidt J. The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment // Psychological Review. 2001. Vol. 108, no. 4. P. 814–834. https://doi.org/10.1037/0033-295x.108.4.814.

Haidt J., Joseph C. The moral mind: How five sets of innate intuitions guide the development of many culture-specific virtues, and perhaps even modules // The innate mind. Vol. 3: Foundations and the future / ed. by P. Carruthers, S. Laurence, S. Stich. N.Y., 2008. P. 367–391. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195332834.003.0019.

Inglehart R. Codebook for world values survey. Ann Arbor, 2000.

Jonason P.K., Luevano V.X., Adams H.M. How the Dark Triad traits predict relationship choices // Personality and Individual Differences. 2012. Vol. 53, no. 3. P. 180–184. https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.03.007.

Kaufman S.B., Yaden D.B., Hyde E., Tsukayama E. The Light vs Dark Triad of personality: Contrasting two very different profiles of human nature // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00467.

Klandermans B. The social psychology of protest. Oxford, 1997. 272 p.

Kornhauser W. The politics of mass society. N. Y., 1959. 272 p.

Lerner M. The belief in a just world: A fundamental delusion. N. Y., 1980. 209 p.

Mazar N., Amir O., Ariely D. The dishonesty of honest people: A theory of self-concept maintenance // Journal of Marketing Research. 2008. Vol. 45, no. 6. P. 633–644. https://doi.org/10.1509/jmkr.45.6.633.

McFarland S., Mathews M. Who cares about human rights? // Political Psychology. 2005. Vol. 26, no. 3. P. 365–385. https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2005.00422.x.

Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism / J. Graham, J. Haidt, S. Koleva, M. Motyl, R. Iyer, S.P. Wojcik, P.H. Ditto // Advances in Experimental Social Psychology. 2013. Vol. 47. P. 55–130. https://doi.org/10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4.

Paulhus D.L., Williams K.M. The Dark Triad of personality: Narcissism, machiavellianism, and psychopathy // Journal of Research in Personality. 2002. Vol. 36, no. 6. P. 556–563. https://doi.org/10.1016/S0092-6566(02)00505-6.

Postconventional moral thinking: A neo-Kohlbergian approach / J.R. Rest, D. Narvaez, M.J. Bebeau, S.J. Thoma, M.J. Bebeau. N. Y., 1999. 240 p. https://doi.org/10.4324/9781410603913.

Psychological entitlement: Interpersonal consequences and validation of a self-report measure / W.K. Campbell, A.M. Bonacci, J. Shelton, J.J. Exline, B.J. Bushman // Journal of Personality Assessment. 2004. Vol. 83, no. 1. P. 29–45. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa8301_04.

Ruess C., Hoffmann C.P., Boulianne S., Heger K. Online political participation: The evolution of a concept // Information, Communication & Society. 2023. Vol. 26, no. 8. P. 1495–1512. https://doi.org/10.1080/1369118X.2021.2013919.

Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57, no. 6. P. 1069–1081.

Sheldon K.M., Kasser T. Goals, congruence, and positive well-being: New empirical support for humanistic theories // Journal of Humanistic Psychology. 2001. Vol. 41, no. 1. P. 30–50.

Teorell J., Torcal M., Montero J.R. Political participation: Mapping the terrain // Citizenship and involvement in European Democracies: A comparative analysis / ed. by J.W. van Deth, J.R. Montero, A. Westholm. L., 2007. P. 334–357.

The dampening effect of social dominance orientation on awareness of corruption: Moral outrage as a mediator / X. Tan, L. Liu, Z. Huang, X. Zhao, W. Zheng // Social Indicators Research. 2016. Vol. 125, no. 1. P. 89–102. https://doi.org/10.1007/s11205-014-0838-9.

The Oxford handbook of political participation / ed. by M. Giugni, M. Grasso. Oxford, 2022. 856 p.

Theocharis Y., Deth J.W. van. Political participation in a changing world: Conceptual and empirical challenges in the study of citizen engagement. N. Y., 2018. 146 p.

Verba S., Schlozman K.L., Brady H. Voice and equality: Civic voluntarism in American politics. Cambridge, 1995. 664 p.

You J.-S. Corruption and inequality as correlates of social trust: Fairness matters more than similarity // SSRN Working Papers. 2005. No. 29. P. 1–39.

Zheng W.-W., Liu L., Huang Z.-W., Tan X.-Y. Life satisfaction as a buffer of the relationship between corruption perception and political participation // Social Indicators Research. 2017. Vol. 132, no. 2. P. 907–923.

References:

Ashforth, B.E. & Anand, V. (2003) The normalization of corruption in organizations. In: Kramer, R.M. & Staw, B.M. (eds.) *Research in organizational behavior: An annual series of analytical essays and critical reviews. Vol. 25*. London, Elsevier, 1–52. Available from: doi:10.1016/S0191-3085(03)25001-2.

Bandura, A. (1999) Moral disengagement in the perpetration of inhumanities. *Personality and Social Psychology Review*. 3 (3), 193–209. Available from: doi:10.1207/s15327957pspr0303_3.

Bazerman, M.H. & Tenbrunsel, A.E. (2011) Blind spots: Why we fail to do what's right and what to do about it. Princeton.

Bell, E., Kowalski, C.M., Vernon, P.A. & Schermer, J.A. (2021) Political hearts of darkness: The Dark Triad as predictors of political orientations and interest in politics. *Behavioral Sciences (Basel)*. 8 (11), 169. Available from: doi:10.3390/bs11120169.

Berkovich, M.I., Dukhanina, L.N., Maksimenko, A.A. & Nadutkina, I.E. (2019) Perception of corruption as a socio-economic phenomenon by the population of a region: The structural aspect. *Economic and Social changes: Facts, Trends, Forecast*. 12 (2), 161–178. Available from: doi:10.15838/esc.2019.2.62.10.

Brislin, R. (1986) Field methods in cross-cultural psychology. In: Lonner, W.J. & Berry, J.W. (eds.) *The wording and translation of research instruments*. Newbury Park, Sage Publications, 137–164.

Campbell, W.K., Bonacci, A.M., Shelton, J., Exline, J.J. & Bushman, B.J. (2004) Psychological entitlement: Interpersonal consequences and validation of a self-report measure. *Journal of Personality Assessment*. 83 (1), 29–45. Available from: doi:10.1207/s15327752jpa8301_04.

Corning, A.F. & Myers, D.J. (2003) Individual orientation toward engagement in social action. *Political Psychology*. 23 (4), 703–729. Available from: doi:10.1111/0162-895X.00304.

Diener, E. (1984) Subjective well-being. *Psychological Bulletin*. 95 (3), 542–575. Available from: doi:10.1037/0033-2909.95.3.542.

Diener, E., Emmons, R.A., Larsen, R.J. & Griffin, S. (1985) The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*. 49 (1), 71–75. Available from: doi:10.1207/s15327752jpa4901_13.

Egorova, M.S., Sitnikova, M.A. & Parshikova, O.V. (2015) Adaptation of the Short Dark Triad. *Psychological Studies*. 8 (43). Available from: doi:10.54359/ps.v8i43.1052. (In Russian)

Ekman, J. & Amna, E. (2012) Political participation and civic engagement: Towards a new typology. *Human Affairs*. 22 (3), 283–300. Available from: doi:10.2478/s13374-012-0024-1.

Giugni, M. & Grasso, M. (eds.) (2022) The Oxford handbook of political participation. Oxford.

Gosling, S.D., Rentfrow, P.J. & Swann, W.B. (2003) A very brief measure of the Big-Five personality domains. *Journal of Research in Personality*. 37 (6), 504–528. Available from: doi:10.1016/S0092-6566(03)00046-1.

Graham, J., Haidt, J., Koleva, S., Motyl, M., Iyer, R., Wojcik, S.P. & Ditto, P.H. (2013) Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism. *Advances in Experimental Social Psychology*. 47, 55–130. Available from: doi:10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4.

Haidt, J. & Joseph, C. (2008) The moral mind: How five sets of innate intuitions guide the development of many culture-specific virtues, and perhaps even modules. In: Carruthers, P., Laurence, S. & Stich, S. (eds.) *The innate mind. Vol. 3: Foundations and the future*. New York, Oxford, 367–391. Available from: doi:10.1093/acprof:oso/9780195332834.003.0019.

Haidt, J. (2001) The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological Review*. 108 (4), 814–834. Available from: doi:10.1037/0033-295x.108.4.814.

Ilichov, N.R. & Zolotareva, A.A. (2023) Pilot assessment and preliminary psychometric properties of the Russian version of the Light Triad Scale. *National Psychological Journal*. 18 (2), 3–13. Available from: doi:10.11621/npj.2023.0201. (In Russian)

Inglehart, R. (2000) Codebook for world values survey. Ann Arbor.

Jonason, P.K., Luevano, V.X. & Adams, H.M. (2012) How the Dark Triad traits predict relationship choices. *Personality and Individual Differences*. 53 (3), 180–184. Available from: doi:10.1016/j.paid.2012.03.007.

Kaufman, S.B., Yaden, D.B., Hyde, E. & Tsukayama, E. (2019) The Light vs. Dark Triad of personality: Contrasting two very different profiles of human nature. *Frontiers in Psychology*. 10. Available from: doi:10.3389/fpsyg.2019.00467.

Klandermans, B. (1997) The social psychology of protest. Oxford.

Kornhauser, W. (1959) The politics of mass society. New York.

Kornilova, T.V., Zirenko, M.S. & Guseynova, R.D. (2017) Cross-cultural validation of the brief measure of Big-Five personality traits (TIPI): Russian and Azerbaijani student samples. *Psychological Studies*. 10 (55), 7. Available from: doi:10.54359/ps.v10i55.349. (In Russian)

Lerner, M. (1980) The belief in a just world: A fundamental delusion. New York.

Maksimenko, A.A., Deyneka, O.S. & Krylova, D.V. (2020) Ethical-psychological portrayal of a Russian corrupt official. *National Psychological Journal*. 13 (4), 31–47. Available from: doi:10.11621/npj.2020.0403.

Maksimenko, A.A., Zagladina, A.R. & Deyneka, O.S. (2025) Does belief in a just world contribute to reducing corruption: The mediating effect of perceived punishment and the role of psychological entitlement? *Psychology and Law*. 15 (3), 224–239. Available from: doi:10.17759/psylaw.2025150315. (In Russian)

Mazar, N., Amir, O. & Ariely, D. (2008) The dishonesty of honest people: A theory of self-concept maintenance. *Journal of Marketing Research*. 45 (6), 633–644. Available from: doi:10.1509/jmkr.45.6.633.

McFarland, S. & Mathews, M. (2005) Who cares about human rights? *Political Psychology*. 26 (3), 365–385. Available from: doi:10.1111/j.1467-9221.2005.00422.x.

Osin, E.N. & Leontiev, D.A. (2020) Brief Russian-language instruments to measure subjective well-being: Psychometric properties and comparative analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. (1), 117–142. Available from: doi:10.14515/monitoring.2020.1.06. (In Russian)

Paulhus, D.L. & Williams, K.M. (2002) The Dark Triad of personality: Narcissism, machiavellianism, and psychopathy. *Journal of Research in Personality*. 36 (6), 556–563. Available from: doi:10.1016/S0092-6566(02)00505-6.

Rest, J.R., Narvaez, D., Bebeau, M.J., Thoma, S.J. & Bebeau, M.J. (1999) Postconventional moral thinking: A neo-Kohlbergian approach. New York, Psychology Press. Available from: doi:10.4324/9781410603913.

Ruess, C., Hoffmann, C.P., Boulianne, S. & Heger, K. (2023) Online political participation: The evolution of a concept. *Information, Communication & Society*. 26 (8), 1495–1512. Available from: doi:10.1080/1369118X.2021.2013919.

Ryff, C.D. (1989) Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*. 57 (6), 1069–1081.

Schwartz, S.H., Melech, G., Lehmann, A., Burgess, S., Harris, M. & Owens, V. (2001) Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 32 (5), 519–542. Available from: doi:10.1177/0022022101032005001.

Sheldon, K.M. & Kasser, T. (2001) Goals, congruence, and positive well-being: New empirical support for humanistic theories. *Journal of Humanistic Psychology*. 41 (1), 30–50.

Tan, X., Liu, L., Huang, Z., Zhao, X. & Zheng, W. (2016) The dampening effect of social dominance orientation on awareness of corruption: Moral outrage as a mediator. *Social Indicators Research*. 125 (1), 89–102. Available from: doi:10.1007/s11205-014-0838-9.

Teorell, J., Torcal, M. & Montero, J.R. (2007) Political participation: Mapping the terrain. In: Deth, J.W. van, Montero, J.R. & Westholm, A. (eds.) *Citizenship and involvement in European Democracies: A comparative analysis.* London, 334–357.

Theocharis, Y. & Deth, J.W. van (2018) Political participation in a changing world: Conceptual and empirical challenges in the study of citizen engagement. New York.

Verba, S., Schlozman, K.L. & Brady, H. (1995) Voice and equality: Civic voluntarism in American politics. Cambridge.

You, J.-S. (2005) Corruption and inequality as correlates of social trust: Fairness matters more than similarity. *SSRN Working Papers*. (29), 1–39.

Zheng, W.-W., Liu, L., Huang, Z.-W. & Tan, X.-Y. (2017) Life satisfaction as a buffer of the relationship between corruption perception and political participation. *Social Indicators Research*. 132 (2), 907–923.

Приложение 1

Опросник степени участия в политической жизни
Questionnaire of the Degree of Participation in Political Life

Перед вами несколько утверждений. Оцените, пожалуйста, степень вашего согласия или несогласия с каждым утверждением с помощью следующей шкалы: 1 – категорически не согласен, 2 – скорее не согласен, 3 – затрудняюсь ответить, 4 – скорее согласен, 5 – полностью согласен.

Утверждение	Категорически не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Полностью согласен
1. Я намерен активно участвовать в деятельности партии и политических объединений	1	2	3	4	5
2. Я намерен принимать участие в голосовании за представителей партийных организаций при предоставлении возможности выразить свою волю	1	2	3	4	5
3. Я намерен активно участвовать в разработке коллективных политических положений и выносить вопросы и предложения по управлению	1	2	3	4	5
4. Я намерен активно участвовать в разработке вопросов национальной политики и направлять вопросы и предложения в соответствующие правительственные ведомства	1	2	3	4	5
5. Если бы я был недоволен положениями, установленными соответствующими государственными органами, я бы сообщил об этой ситуации в средствах массовой информации	1	2	3	4	5
6. Если бы я был недоволен положениями, установленными соответствующими государственными органами, я бы написал анонимное сообщение	1	2	3	4	5
7. Если бы я был недоволен положениями, установленными соответствующими государственными органами, я бы участвовал в пикетировании \или подписании петиции	1	2	3	4	5
8. Если бы я был недоволен положениями, установленными соответствующими государственными органами, я бы участвовал в симпозиумах или слушаниях, чтобы высказать свое мнение	1	2	3	4	5
9. Если бы я был недоволен положениями, установленными соответствующими государственными органами, я бы обратился к интернету, чтобы выразить \свое мнение	1	2	3	4	5
10. Я избегаю участия в политике в своей стране	1	2	3	4	5

Ключи для обработки результатов. Активное инициативное участие – суммировать пункты 1–4. Институциональное и формализованное участие **–** суммировать пункты 5–9. Общий балл – пункты 1–9 суммировать напрямую, пункт 10 реверсировать (новый балл = 6 – старый балл), затем суммировать все 10 пунктов.

Приложение 2

Шкала восприятия коррупции
The Corruption Perception Scale

Перед вами несколько утверждений. Оцените, пожалуйста, степень вашего согласия или несогласия с каждым утверждением с помощью следующей шкалы: 1 – категорически не согласен, 2 – скорее не согласен, 3 – затрудняюсь ответить, 4 – скорее согласен, 5 – полностью согласен.

Утверждение	Категорически не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Полностью согласен
1. По моим наблюдениям, взяточничество и коррупция оставались широко распространенными в последние годы	1	2	3	4	5
2. Каждый государственный служащий в моей стране коррумпирован	1	2	3	4	5
3. В моей стране коррупция очень распространена	1	2	3	4	5
4. Коммерческие структуры в моей стране часто дают взятки государственным служащим или государственным должностным лицам	1	2	3	4	5
5. Государственные учреждения и государственные служащие находятся под минимальным контролем	1	2	3	4	5
6. Информация о государственных делах открыта и прозрачна для гражданского общества	1	2	3	4	5
7. Антикоррупционная политика в моей стране имеет ограниченную эффективность	1	2	3	4	5
8. Как правило, коррумпированные должностные лица строго преследуются по закону	1	2	3	4	5
9. Коррумпированные должностные лица используют политические, юридические или процедурные лазейки	1	2	3	4	5
10. Должностные лица могут злоупотреблять своими полномочиями в личных целях, не опасаясь привлечения к юридической ответственности	1	2	3	4	5
11. Все механизмы обеспечения честности и неподкупности достаточно эффективны и активно поддерживаются правительством	1	2	3	4	5
12. Большинство механизмов обеспечения неподкупности в нашей стране эффективно функционируют	1	2	3	4	5
13. Функционированию механизмов обеспечения неподкупности в нашей стране препятствуют частные интересы некоторых лиц	1	2	3	4	5
14. Правительство нашей страны реализовало инициативы по борьбе с коррупцией на уровне исполнительной власти	1	2	3	4	5
15. Несовершенство механизма государственного надзора увеличивает возможности для коррупции	1	2	3	4	5
16. Правительство уделяет особое внимание антикоррупционным расследованиям, направленным на выявление схем легализации и обеспечению последовательности предпринимаемых действий	1	2	3	4	5
17. Коррупция существовала на протяжении всей истории, проявляясь в разные эпохи	1	2	3	4	5
18. Большинство людей, у которых есть возможности быть коррумпированными, будут таковыми	1	2	3	4	5
19. В настоящее время коррупция широко распространена и затрагивает почти все отрасли промышленности	1	2	3	4	5
20. Проблема коррупции в современном российском обществе стоит очень остро	1	2	3	4	5
21. Коррупция проникла в университеты и приобрела более серьезный характер	1	2	3	4	5

Ключи для обработки результатов. Восприятие распространенности коррупции – суммировать прямые пункты 1–5, 7, 9, 10, 13, 15, 17–21. Восприятие слабости институционального контроля – реверсировать пункты 6, 8, 11, 12, 14, 16 (новый балл = 6 – старый балл), затем суммировать. Общий балл – вычислить среднее арифметическое по всему 21 пункту после реверсирования обратных.

Информация об авторах

А.А. Максименко – доктор социологических наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=775397

А.Р. Загладина – стажер-исследователь департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1285462

О.С. Дейнека – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=114587

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов:
авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

A.A. Maksimenko – D.Phil. in Social Science, PhD in Psychology, Associate Professor, Professor at the Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=775397

A.R. Zagladina – Research Intern at the Department of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1285462

Olga S. Deyneka – D.Phil. in Psychology, Professor, Professor at the Department of Political Psychology, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=114587

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests:
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 11.08.2026;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.09.2026;
Принята к публикации / Accepted for publication 27.10.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.